

Эпилог из книги Бата Йеора «Упадок восточного христианства в период Ислама»

EPILOGUE

from “The decline of Eastern Christianity under Islam” by Bat Ye’or

Диммиизм – это исторический, политический, социальный и географический факт. Территория его распространения, хотя и разнообразна, определена очень чёткими контурами и границами. Это живой исторический феномен, имеющий свои периоды увеличения и уменьшения территории его распространения. Это явление, затрагивающее огромное множество народов, миллионы людей ощущают на себе ограничения, налагаемые диммиизмом. Диммиизм формирует часть общей истории человечества и определяется конкретными характерными особенностями, которые делают его отдельной категорией. Длительность существования диммиизма варьировалась от места к месту, охватывая столетия или даже больше, чем тысячелетие.

Диммиизм – это развивающаяся, а не статичная система, своей собственной динамикой она обязана постоянному развитию. Следовательно, его невозможно описать такими формулировками, как «религиозное меньшинство, находящееся под защитой», «система исламской толерантности» или «граждане второго сорта». Посредством *джихада* и *шариата* диммиизм стал силой, определяющей человеческую историю. На территории ряда континентов, начиная с центра своего распространения в Аравии, диммиизм постоянно становился причиной войн. Он провоцировал бесчисленные мятежи и вооруженные вторжения европейских государств, а также России. В девятнадцатом веке он определял политику этих государств, которые то отменяли, то насаждали это явление на Балканах.

Из-за диммиизма исчезло множество народов и блестящих цивилизаций. Он сформировал и разрушил бесчисленное количество поколений и систем ценностей. Даже сегодня он движет политическими и военными силами по всему миру. Это область исследования и сравнения для команды учёных, являющихся экспертами в самых разных областях. Диммиизм требует многомерного подхода, принимающего во внимание взаимодействие множества факторов. Это не тот вид истории, где хорошее с одной стороны можно отделить от плохого с другой стороны, так как в любом человеческом эпосе все смешивается и накладывается друг на друга во времени. Только бледное отражение и отдалённое эхо возникают из этого сплетения столетий и народов. Данное исследование ни подтверждает, ни отрицает принципа исламской толерантности. Оно не претендует на роль ценного суждения. Оно ограничивается формулировкой тем для размышления и своими выводами поднимает новые вопросы.

Какой вид населения является объектом диммиизма? Почему оно поглощает целые народы, а другим удаётся освободиться от него? Какие

силы организуют и внедряют его, век за веком, эпоха за эпохой, моделируясь по первоначальному проекту, долгосрочному политическому плану? С другой стороны, каковы патогенные факторы в культуре, являющейся объектом диммиизма, которые работают на свое саморазрушение и способствуют ему? Это личная амбиция, предательство, междоусобная война, неосознанное желание смерти, ощущаемое материалистичным и утончённым обществом, беспомощных и неспособных бороться для того, чтобы выжить? Диммиизм, и это нужно подчеркнуть, является в равной степени, как историей угнетения, так и историей сотрудничества. Возможно он не развился бы без этого сотрудничества, благодаря хорошо сформулированным правилам и целям между военным меньшинством захватчиков и высоко цивилизованными обществами, находящимися в большинстве, которые отказались от защиты своего наследия и богатства от иностранных армий. Это включало в себя передачу ценностей от богатого народа бедному, но и каждый раз новой цивилизации на обломках прежней. Стремление исламизировать огромное количество народов, проживающих на огромных территориях, простирающихся от России до Судана, от Магриба до Индии могло бы окончиться провалом, и история действительно знает тому примеры. Своим успехом диммиизм обязан как безумному бесстрашию солдат Ислама и хитрости его политиков, так и продажности, предательствам, активному пособничеству лидеров *димми* и амбициозным вероотступникам.

В то время как *умма* объединяла весь свой военный, демографический, юридический и экономический потенциал вокруг единственной цели, лидеры димми, разделенные религиозным сектантством и экономическим прагматизмом стремились накопить богатство при господствующем влиянии арабов и турков. На самом деле было бы гораздо легче представить это как историю продажности, трусости, слепоты и малодушия. Тем не менее, диммиизм раскрывает другую реальность. Вот народы, объединившие эллинистическое наследие и библейскую духовность, распространили иудео-христианскую цивилизацию вплоть до Европы и России. Иудеи, христиане, зороастрийцы, завоеванные племенами кочевников, на протяжении столетий учили своих угнетателей искусству управления империями, необходимости иметь закон и порядок, управлению финансами, руководству городами и сельской местностью, вместо грабежа учили порядку налогообложения, наукам, философии, литературе и искусствам, организации и передаче знаний, короче говоря, начаткам и основам цивилизации.

Они были крестьянами, которые сеяли семена, насаждали и обрабатывали, пахали, собирали урожай и работали на полях, заботились о фруктовых садах и скоте, были пчеловодами и виноделами, фермерами и работниками. В городах они были ремесленниками, которые работали, ковали, плели и моделировали одежду, стекольщиками, моряками и торговцами. Они были также планировщиками городов, которые создавали города, архитекторами, которые проектировали мечети и исламские дворцы, каменщиками, которые строили их и людьми, которые поддерживали в

рабочем состоянии мосты и акведуки. Как художники они создавали, ваяли и щедро делились своим гением с «исламским искусством», гением, шедеврами которого мы восторгаемся по сей день, гением который оживил бесконечное разнообразие менее развитых видов искусств доисламской средиземноморской цивилизации. Как писатели, ученые, философы и историки они прилежно изучали знания, переданные им через столетия. Как переводчики и переписчики, они записывали все эти знания для того, чтобы напитать ими своих неотесанных захватчиков.

Разоренные *раззьями* в сельской местности, они искали убежища в городах, которые они развили и украсили. Заклейменные позором захватчики всё ещё продолжали перемещать их из одного региона в другой, чтобы возродить опустошенные земли и восстановить разгромленные города. И вновь они строили, и вновь они работали. И вновь их изгоняли, снова ограбленных и освобожденных за выкуп. По мере того как димми приходили в упадок, истощенные физически и духовно, их цивилизация как таковая исчезала; упадничество способствовало застою варварства, которое правило теперь в землях, прежде бывшими землями цивилизации, урожаев и изобилия.

Элита, сбежавшая в Европу, унесла с собой свой культурный багаж, свои научные познания и знание античной классики. С этих пор в христианских странах, ставших прибежищем: Испании, Провансе, Сицилии, Италии сформировались центры культуры, в которых христиане и иудеи из исламизированных стран преподавали молодым европейцам знания древнего доисламского Востока, прежде переведенных на арабский язык их предками. Колеблясь между двумя берегами Средиземного моря, посредники между двумя цивилизациями, димми обеспечивали торговлю, обмен, движение товаров и идей, а также передачу технологии, обогащая себя и других своей изобретательностью. Затем в девятнадцатом веке, когда Европа приоткрыла завесу позора, которая душила их, они вновь столкнулись с вызовом современности. Железные дороги, телеграф, печать, журналистика, транспорт, индустрия, банковское дело – везде они были сподвижниками развития, закваской цивилизации и эволюции. И вновь неутомимые делатели прогресса, строители цивилизации, они создавали инфраструктуру современности от Персии до Магриба. И снова изгнанные вон, ограбленные, уничтоженные, они бежали в Америки, Европу, Израиль, где армяне, марониты, сирийцы, халдеи, копты и иудеи жили своим собственным трудом, а не благодаря международной благотворительности. С тех пор от Турции до Ирана и в арабских странах ничтожные остатки прежде множества христиан и иудеев, когда-то населявших эти земли, сейчас будучи в меньшинстве пытаются выжить. Только кладбища и развалины напоминают об их прошлом. Их исторические, политические и культурные права растворились в великом забвении времени, в их узурпированной истории. В этом главный смысл диммиизма – забвение в небытии и ничтожности.

Хотелось бы закончить данное исследование, отдав им должное: на самом деле по мере того, как проходили столетия, эти люди, отверженные

историей раскрывают бесконечное разнообразие человеческого характера. Подобострастные, коррумпированные, трусливые, малодушные и самонадеянные, но также образованные, трудолюбивые и героичные - все аспекты человеческой природы смешанные друг с другом; лица крови и слёз, мудрости и сомнения, переплавленные в тысячелетнюю человеческую магму, к которой историки приближаются только с уважением, не вынося суждений.

Глоссарий

Умма – мусульманская община

Раззья – набег, совершаемый с целью получения добычи

Джихад – священная война, разрешенная Кораном

Димми – при мусульманском правлении меньшинство, люди второго сорта, которые платят налоги

Диммиизм – положение димми

Шариат – священный закон Ислама

Джизья – налоги, которые платят димми

Гази – участник раззья

Вопросы:

1. Является ли современный рост исламского фундаментализма предсмертными муками умирающей идеологии?
2. Может ли Ислам отказаться от явлений, перечисленных в глоссарии?
3. Может церковь единодушно выступить против гнёта, существующего до сих пор в мусульманских странах?
4. Придерживается ли церковь целиком курса евангелизации всех этнических групп населения мира?

EPILOGUE

from "The decline of Eastern Christianity under Islam" by Bat Ye'or

Dhimmitude is a historical, political, social, and geographical fact. Its spatial area, though variable, is determined by very precise contours and frontiers. It is a living historical phenomenon with periods of expansion and retraction. Numerous peoples have been affected and millions of individuals have experienced its constraints. It forms part of the general story of mankind. It is determined by specific characters which make it a distinctive category. Its duration has varied from place to place, covering centuries or more than a millennium.

Dhimmitude is an evolving and not a static system, obliged by its own dynamic toward a constant development. Consequently, it cannot be confined in formulas such as "protected religious minority," "system of Islamic tolerance," or "second-class citizens." Dhimmitude-via its agents, *Jihad* and *Sharia* has been a force determining human history. It motivated constant wars over a number of continents starting from its heartland of expansion in Arabia. It has provoked numerous rebellions and armed interventions by European states and by Russia; in the nineteenth century it dominated the policy of these states, who differed on its abolition or its maintenance in the Balkans.

Dhimmitude has engulfed in death many peoples and brilliant civilizations. It has molded and shattered countless generations and conditioned mentalities. Even today, it propels worldwide political and military forces. It is a field of investigation and comparison for multidisciplinary teams of experts. It requires a multidimensional approach, taking into account the interaction of multiple factors. It is not the sort of history where the good on one side can be distinguished from the bad on the other, for, in any human epic, everything intermingles and overlaps as time unfolds. Only pale reflections and faint echoes emerge from this tangle of centuries and multitudes. The present study neither confirms nor denies the principle of Islamic tolerance. It does not pretend to be a value judgment. It restricts itself to formulating themes for reflection and raising a few questions by way of conclusion.

Which are the populations targeted by dhimmitude? Why did it engulf entire peoples, and why did others succeed in freeing themselves from it? What are the forces which organize and impose it, century after century, wave upon wave, modelling themselves on an initial design, a long-term political plan? On the other hand, what are the pathogenic causes within the culture targeted which aid and work toward its self-destruction? Is it personal ambition, betrayal, internecine war, an unconscious death wish felt by materialistic and refined societies, powerless and incapable of fighting to survive? Dhimmitude-and this must be stressed-is as much the history of oppression as of collaboration. It would probably not have developed without this collaboration-through well-defined rules and aims-between a conquering militarist minority and highly civilized majority societies, who abandoned the defence of their heritage and their wealth to foreign armies. It involved the transfer of possessions from rich peoples to poor peoples, but also the birth of civilizations on the ashes of the old. A quest to Islamize multitudes of peoples over vast territories, stretching from Russia to the Sudan, from the Maghreb to the Indus, could have failed-and history indeed often seems to hesitate. Its success owes as much to the passionate fearlessness of the

soldiers of Islam and the shrewdness of its politicians, as it does to the venality, the betrayals, and the active cooperation of *dhimmi* leaders and ambitious renegades.

Whereas the *umma* united all its military, demographic, legal, and economic potential around a single goal, the *dhimmi* leaders-divided by religious sectarianism and economic pragmatism-were eager to accumulate wealth under Arab and Turkish domination. Actually, it would be easy to present this as a story of corruption, cowardice, blindness, and pusillanimity. And yet *dhimmitude* reveals another reality. Here are peoples who, having integrated the Hellenistic heritage and biblical spirituality, spread the Judeo-Christian civilization as far as Europe and Russia. Jews, Christians, and Zoroastrians, conquered by nomadic bands, taught their oppressors, with the patience of centuries, the subtle skills of governing empires, the need for law and order, the management of finances, the administration of town and countryside, the rules of taxation rather than those of pillage, the sciences, philosophy, literature and the arts, the organization and transmission of knowledge-in short, the rudiments and foundations of civilization.

They were the peasants who sowed, planted, and farmed; who ploughed, harvested, and worked in the fields; who cared for the orchards and the cattle; the beekeepers and vine growers; the farmers and laborers. In the towns they were the artisans who worked, hammered, wove, and fashioned objects; the glaziers, sailors, and merchants. They, were also the town planners who conceived the towns, the architects who designed the mosques and the Islamic palaces, the masons who built them, and the people who maintained bridges and aqueducts. As artists they created, chiseled, and gave generously of their genius to "Islamic art"-a genius which had animated the architecture, sculpture, mosaics and the infinite variety of the minor arts of a pre-Islamic Mediterranean civilization which we still admire today. As writers, scholars, poets, Philosophers, and historians, they assiduously studied the knowledge handed down over the centuries. As translators and copyists, they transcribed this sum of knowledge in order that it might nourish their un- couth conquerors.

Decimated by *razzias* in the countryside, they sought refuge in towns which they developed and embellished. Branded with opprobrium, the conquerors still chose to drag them from region to region in order to revive ravaged lands and restore ruined towns. Once again they built, again they worked. Once again they were driven out, again pillaged and ransomed. And as they dwindled, drained of their blood and spirit, civilization itself disappeared, decadence stagnated barbarism reigned over lands which, previously, when they had been theirs were lands of civilization, of crops and of plenty.

The elites who fled to Europe took their cultural baggage with them, their scholarship and their knowledge of the classics of antiquity. Thenceforth, in the Christian lands of refuge-Spain, Provence, Sicily, Italy-cultural centers developed where Christians and Jews from Islamised lands taught to the young Europe the knowledge of the old pre-Islamic Orient, formerly translated into Arabic by their ancestors. Straddling the two shores of the Mediterranean, intermediaries between two civilizations, they ensured trade, exchanges, the circulation of commodities and ideas, and the transfer of technology, enriching themselves and others by their ingenuity Then, in the nineteenth century, when Europe lifted the scree

of opprobrium which stifled them, again they met the challenge of modernity. Railways, telegraph, printing, journalism, transport, industry, banking: everywhere they were the promoters, the leaven of civilization and evolution. Once again, tireless artisans of progress, builders of civilization, they created the infrastructure of modernity from Persia to the Maghreb. And once again driven out, despoiled, decimated, they fled to the Americas, to Europe, to Israel, where Armenians, Maronites, Syrians, Chaldeans, Copts, and Jews live from their own labor and not from international charity. Henceforth, from Turkey to Iran and the Arab countries, micro minorities struggle along, the last remnants of multitudes of Christians and Jews who formerly populated those lands. Only cemeteries and ruins recall their past. Their historical, political, and cultural rights dissolve in the great oblivion of time and, in their usurped history, the profound sense of dhimmitude is revealed: obliteration in non-existence and nothingness.

And so this study would prefer to conclude with a tribute. indeed, as the centuries shed their leaves, these rejects of history disclose the infinite variety of the human character. Servile, corrupt, cowardly, pusillanimous, and presumptuous, but also learned, industrious, and heroic; all aspects blended and intermingled; faces of blood and tears, faces of wisdom and enquiry, molded in a thousand-year-old human magma which the historian only approaches with respect and without judgment.

Glossary

Umma	The Muslim community
Razzia	Raid for which booty is the objective
Jihad	Holy War sanctioned by the Qur'an
Dhimmi	The Minority peoples under Islamic rule, second-class citizens paying tax
Dhimmitude	The state of being a Dhimmi
Sharia Law	The Holy law of Islam
Jiziya	Taxes paid by Dhimmi
Ghazi	One who takes part in a razzia

Questions.

1. Is the current rise of Islamic fundamentalism the death throes of a dying ideology?
2. Can Islam renounce the above 8 items in the glossary?
3. Can the church speak with a more united voice against the oppression still in Islamic lands?
4. Is the church fundamentally on course to take the gospel to all ethnic groups.?